

С. НИКИТИН

Беседа с Григорием Распутиным¹

Распутин об Илиодоре и о войне.

Простое, самое обыкновенное лицо русского «мужичка» с длинноватой темно-русой бородкой, высокая прямая фигура с очень стройным, почти женственным станом, к которому так удивительно идет плотно стягивающая его «черная сибирка», почему-то на Григории Распутине так напоминающая «батюшкину» рясу или сутану католического ксендза, незамысловатая прическа «a la russ» с прямым пробором и стрижкой под-скобку, высокие сапоги с «голенищами» и даже со «скрипом».

Григория Ефимовича, недавно прибывшего в Петербург и переменившего свое прежнее место, посчастливилось мне разыскать и поговорить с ним только благодаря исключительной любезности одного видного лица. В популярности в широкой публике с Григорием Ефимовичем Распутиным может поспорить разве еще только один человек — бывший иеромонах Илиодор, ныне Василий Труфанов.

О последнем-то прежде всего и зашла речь.

— Как вы, Григорий Ефимович, смотрите на отречение Илиодора от православной веры, как, вообще, всякий верующий православный христианин должен отнестись к факту такого небывалого в истории Церкви отречения?

Вопрос, по-видимому, «задел за живое Григория Ефимовича».

— Надо отнестись, милый человек, так, — начал Григорий Ефимович, — как в былые времена сама Церковь относилась.

Церковь всегда строго преследовала, карала, бичевала всякую ересь, всякое заблуждение, коему нет ни предела, ни границ законных.

В таких случаях, когда не помогали ни увещевания, ни добрые советы, ни собственное сознание заблуждающегося, Церковь не останав-

¹ Печатается по: Петербургская газета. 1912. 7 декабря.

ливалась и перед наложением проклятия, анафемы. Церковь поступала так, как поступали в таких случаях и сами святые апостолы. Церковь всегда отрекалась от отрекшихся от нее, да и Сам Христос Спаситель нам сказал: «А кто отречется от Меня перед людьми, отрекусь от того и Я перед Отцом Моим Небесным».

— Так-то милый человек, — добавил Григорий Ефимович своим характерным «говорком», пронизывая меня пристальным взглядом своих пронизательных глаз, и нервно теребя свою бородку.

— Что ж, хочешь спрашивать, мил человек, еще? Ну, спрашивай.

— Таковую же точно «меру взыскания», Григорий Ефимович, должна Церковь применить и по отношению к Илиодору? Были ведь сообщения о том, что Илиодора, может быть, предадут анафеме?

— Да, так и должно быть. Отпавшего от православной веры Илиодора, открыто презревшего святую веру своих отцов, вестимо следует предать анафеме. Церковь терпит долго грехи своих чад, но и ее терпению граница есть. Все хорошо во времени и в меру, но без времени, некстати и против веры содеянное заслуживает анафематствования. Как же можно идти против веры своей, против веры, в коей ты родился и в коей родились, жили и умерли отцы, деды и прадеды наши?

Каков бы велик грешник ни был, да и всяк другой из нас, грешных людей, как бы не притесняли люди или судьба, или там обстоятельства какие, от веры своей я не откажусь и не отрекся бы никогда.

Ни я, ни ты, мил человек, и никто другой: вера — святыня, да еще вера православная.

Вот бранят евреев, а как они глубоко чтут свою веру, своего Бога!

Грех-то... А еще вот: — святые отцы, подвижники наши.

Уж как сильно гнала их судьба, как притесняли люди, а они, на муку лютую и на смерть идя, никого не винули в своих мучениях, а молча таили скорбь великую в недрах души своей, далеко от людского показа, от суеты мирской.

А Илиодор все несет наружу, напоказ праздной толпе.

Илиодор, да, это правда, хоть и монах был, а примириться, смирить, значит, себя-то не мог, да и не хотел.

Гордыня обуяла его великая, вот и страдает он только от этой гордыни своей.

И этим он теряет много, если не все.

«Кто не берет креста своего и не следует за Мною, тот недостоин Меня», — сказал Господь Христос.

Да и скорби-то все свои Илиодор ведь сам создал, только сам.

— Что вы скажете о намерении Илиодора образовать свою «вселенскую» церковь? Не может ли это послужить соблазном для верующих,

и не пойдут ли за Илиодором его приверженцы? — продолжал я «допрашивать» Григория Ефимовича.

— Да, соблазн внесет Илиодор большой, но только не в души истинно верующих православных людей, тех, кто верит в Церковь, а тех, что верили в него, Илиодора, тех, которые в слепоте своей создали себе кумира в образе Илиодора.

Но все истинно верующие отшатнутся от илиодоровского бунта и не пойдут за ним. Так я мыслю.

— Извините, Григорий Ефимович, хочу я предложить вам один вопросик, из тех, что зовут «щекотливыми»?

— Спрашивай, спрашивай, мил человек. Если знаю, скажу.

— Как надо отнестись, Григорий Ефимович, к утверждению многих, что вы вашим влиянием оказали давление на судьбу Илиодора?

— Никогда, никогда ничего подобного не было, — горячо возразил Григорий Ефимович, — никогда я не предпринимал ничего против Илиодора, а если сам Илиодор или другие кто хотят верить в это или говорить об этом, то пусть, на чужой роток не накинешь платок. Если уж говорить об этом, то я не только никогда ничем не вредил Илиодору, но ежечасно молился за него, за его мятежную душу, да... Это так... Молился... Просил для него у Бога милости великой. Исправленья просил. Это было, и от этого не отрекаюсь. Мало ли что про меня говорили и говорят... Ну и пусть... Ну и что ж я могу поделать с этим... Надо всем прощать и все терпеть. Претерпевший до конца — спасен будет. Так то, мил человек.

Григорий Ефимович остановился на минуту.

Задумался.

— Бог с ним, с Илиодором. Бог его рассудит. Война, мил человек, теперь вот о чем думать надо... Война... Большое это зло — война.

— Как вы думаете, Григорий Ефимович, придется России втянуться в войну?

— Господи сохрани и помилуй нас от этого. Дай Боже, чтобы Русь избежала этой напасти. Всякая война, даже удачная, гибельна для дела любви и мира, для благодати Божией. Дай Бог, чтобы Россия да и все прочие государства сумели обойти войну. На этот предмет должны направиться думы наши.

Надо, в мире живя, в мире жить.

